

Глава 13

Видя, как плоды двухлетних трудов вот-вот обратятся в прах, Дунхэ Фэн кипел от бессильной ярости. Его сердце буквально обливалось кровью.

Если бы он только знал, к чему всё приведёт, он бы ни за что не поддавался минутной слабости, вызывавшей к голосу крови. Стоило префекту Ху впервые обмолвиться, что Дунхэ Си приглянулся ему, Фэну следовало немедля, без всяких колебаний, отдать племянника вельможе.

И уж точно не стоило позволять этой глупой бабе, Цю Вань, так баловать Дунхэ Юя. Вечно она твердила: «Пусть Юй-гэ'эр побудет при мне ещё годик-другой». Додержались: парню уже восемнадцать, а он всё не сосватан и не выдан замуж, только и делает, что потакает своим капризам да выбирает себе жениха по вкусу.

Где это видано, чтобы гэ'эр в восемнадцать лет всё ещё оставался не сосватанным и не был обещан какой-нибудь приличной семье?

Если бы Фэн предвидел, что, оставляя сына подле себя, он растит себе на погибель змею, он бы не слушал Цю Вань. Он бы давным-давно подыскал Дунхэ Юю партию среди влиятельных людей, способных принести пользу делу. Тогда бы сегодняшнего позора просто не случилось.

Дунхэ Фэна захлестнула волна раскаяния, но прошлого, как известно, не воротишь.

Он бросил исполненный ненависти взгляд на жену. Всё из-за неё! Цю Вань всегда была недалёкой, но, получив власть над домом, и вовсе потеряла берега от спеси. Она даже не давала себе труда следить за языком. Если бы Юй-гэ'эр не наслушался её ядовитых речей, разве стал бы он так чернить своего отца перед Дунхэ Си?

Из-за её длинного языка Старший господин оказался загнан в угол.

Дело зашло слишком далеко. Глядя на этого мальчишку, Си, Фэн понимал: добром сегодня всё не закончится. Кто же мог знать, что у этого щенка случится приступ истерии? А не то...

Пока глава семьи предавался бесплодным размышлениям, в притихшем зале зазвучал голос Мо Шу.

Слова слуги падали тяжело и размеренно. Каждая фраза, каждый довод обнажали то, как Старший господин и Старшая госпожа третировали сироту-племянника, лишившегося опоры после смерти родителей.

Всё, о чём говорил Мо Шу, было чистейшей правдой. Он в точности следовал приказу своего молодого господина: не приукрашивал, не сгущал краски, но и не упускал ни одной детали.

Каждый случай несправедливости был подкреплён фактами — ни тени вымысла.

Только сейчас Дунхэ Фэн с ужасом осознал, как много Цю Вань творила у него за спиной. О некоторых её проделках он даже не догадывался.

Чем дольше говорил юноша, тем глубже становилась мертвая тишина в зале. Казалось, воздух сгустился, предвещая скорую бурю. Не нужно было быть пророком, чтобы понять: гнев Старого господина и Старой госпожи будет страшен.

В поместье Дунхэ грядут большие перемены.

Мо Шу и Мо Янь были выбраны для службы Дунхэ Си самим У Ли. Разве могли они быть глупцами? О нет, эти двое обладали незаурядным умом.

Пусть первый порой казался легкомысленным и даже излишне капризным для слуги, он прекрасно умел чувствовать обстановку. Он знал, когда нужно действовать, а когда — придержать язык, и никогда не болтал попусту ради сиюминутного удовольствия. О Мо Яне и говорить не стоило: как настоящий мужчина, он отличался спокойным нравом и рассудительностью, понимая тонкости жизни куда лучше своего товарища.

Они идеально дополняли друг друга. Там, где Мо Шу проявлял живость и находчивость, его напарник вносил долю сдержанности, исправляя чужие оплошности.

Так случилось и сегодня.

Пока один рассказывал, второй внимательно слушал, и если товарищ что-то упускал, Мо Янь плавно дополнял рассказ, следя за тем, чтобы сегодня ни одна обида не осталась забытой. Когда же чередка унижений за последние два года была исчерпана, оба мгновенно замолчали.

То ли между хозяином и слугами существовала непостижимая связь, то ли помощники Си были действительно столь проницательны, но они безошибочно уловили скрытый смысл в недавних словах своего молодого господина.

Они не проронили ни слова о том, что Старший господин намеревался отдать племянника префекту в качестве наложника-шицзюня.

Почему они промолчали? Во-первых, они поняли намёк самого Си. Во-вторых, об этом плане юноша узнал случайно, подслушав чужой разговор. Прямых доказательств не было, умысел Дунхэ Фэна так и остался умыслом, не успев превратиться в действие.

К тому же, огласка этого дела не принесла бы пользы ни роду Дунхэ, ни самому Сяо Си.

Для семьи Дунхэ попытка родного дяди продать племянника в наложники стала бы несмыслаемым позором. Старый господин, при всей своей любви к внуку, наверняка бы приложил все усилия, чтобы эта история не вышла за порог — ради чести остальных членов клана. В лучшем случае Фэн получил бы ещё один выговор, и на этом бы всё закончилось.

Но для самого Дунхэ Си последствия могли быть куда плачевнее. Он ещё не был обручён. Слухи о том, что на него «положил глаз» префект и что его едва не сделали наложником, — вне зависимости от правдивости этой истории — могли бросить тень на его репутацию и помешать счастливому замужеству в будущем.

Господин Дунхэ Цзюнь и Чжэнцзюнь скончались, старший молодой мастер пропал без вести, а сам Сяо Си из-за чужих козней лишился памяти. Мо Шу всем сердцем желал для своего господина достойного супруга, который бы любил и защищал его. Он ни за что бы не позволил грязным планам Дунхэ Фэна испортить Си жизнь.

Он крепко сжал кулаки, в его взгляде застыла решимость.

Дунхэ Си не знал всех терзаний своего слуги, но был искренне рад, что тот оказался так догадлив. Всё, что произошло на самом деле, следовало выложить начистоту. То же, что осталось лишь в планах, ворошить не стоило — от этого не было проку.

Если бы он обвинил дядю в намерении сделать его шицзюнем, тот бы просто всё отрицал. У Си не было доказательств, и старики, скорее всего, сочли бы это плодом его воображения или следствием травмы головы.

Зато тех обид, что Мо Шу и Мо Янь перечислили, было более чем достаточно, чтобы добиться раздела имущества.

Старый господин сам когда-то начинал простым уличным разносчиком. Он своим трудом добился нынешнего положения и прекрасно понимал:

«Против вора можно поставить засов, но от домашнего вора спасенья нет»

Он поймёт, что оставлять Си в одном доме с дядей опасно. У главы клана останется лишь два пути: либо поскорее выдать внука замуж за достойного человека, чтобы раз и навсегда пресечь грязные мысли старшего сына, либо позволить Си отделиться.

А как только раздел имущества будет завершён и Дунхэ Си станет самостоятельным хозяином своего дома, Дунхэ Фэн потеряет всякое право распоряжаться его судьбой. Если же дядя не уgomонится, Си всегда сможет подать на него официальную жалобу или, пользуясь случаем, проучить его так, что мало не покажется.

Зачем говорить о том, чего не докажешь?

К тому же, юноша, хоть и не успел ещё толком изучить законы этого мира, понимал: подобный скандал — пятно на всем роде. Дурные вести разлетаются быстро. В его прежнем мире люди тоже косо смотрели на тех, кто ради выживания готов был на любую низость, а в этом обществе, помешанном на приличиях и морали, всё было куда строже.

Огласка ударила бы по всем Дунхэ, а значит, и по нему самому. Он собирался уйти, но кто знает, как повернется жизнь? Лучше не сжигать мосты окончательно. Хватит и того, что уже сказано.

Дунхэ Си слушал рассказ слуг без особого волнения. Истории о том, как его лишали карманных денег или отсылали преданных людей, не трогали его сердце. Он лишь убедился в своих подозрениях: последние два года жизнь прежнего владельца тела была далеко не сахар.

Но для человека, пришедшего из ада конца света, всё это казалось детскими играми.

Там люди ежесекундно смотрели смерти в лицо, сражались за каждый кусок хлеба и замерзали в неоттапливаемых руинах. На фоне того кошмара его жизнь здесь казалась почти райской. У него была крыша над головой, еда и теплая одежда. Ему не нужно было бояться, что орды зомби проломают стены города.

Разве это можно назвать «страданиями»?

Ну и что с того, что Дунхэ Фэн и Цю Вань урезали его расходы? Да, они отослали верных людей в дальние поместья, но он не голодал и не мерз. Судя по тому, что он видел в своей комнате, Си не остался бы без средств, даже если бы дядя вовсе перестал давать ему денег. Вещи в его покоях стоили немало — достаточно было продать или заложить одну безделушку, чтобы безбедно жить долгое время.

Конечно, вслух Си об этом не сказал. Напротив, он собирался использовать каждую крупицу вины и сострадания, зародившуюся в душах дедушки и бабушки, чтобы достичь своей главной цели — получить свободу и независимость.

<http://bllate.org/book/15311/1354343>